

Пашкуров А.Н. «Эволюция русской «слезной» драматургии в конце XVIII – начале XIX веков // Ученые записки Казанского университета. Т.152. Сер. Гуманитарные науки. Кн.2. Казань, 2010. С.22-32.

РГБ. Ф.№ 298.IV. № 4.12.

РГБ. Ф.№ 298.IV. № 4.15. Л.10, об.

РГБ. Ф.№ 298.IV. Н.С.Тихонравов. Картон № 3. Ед.хр. № 29.

РНБ. Ф.№ 499. Ед.хр. № 38.

Росси Л. Неизвестная комедия М.Муравьева (К проблематике жанровой системы русского сентиментализма) // A Window on Russia. Papers from the V International Conference ... Cargnano, 1994. La Fenice Edizione, 1996. P.257-265.

Топоров В.Н. Из истории русской литературы. Т. II: Русская литература второй половины XVIII века: Исследования, материалы, публикации. М.Н.Муравьев: Введение в творческое наследие. Книга I. М., 2001.

Топоров В.Н. Из истории русской литературы. Т. II: Русская литература второй половины XVIII века: Исследования, материалы, публикации. М.Н.Муравьев: Введение в творческое наследие. Книга II. М., 2003.

Фоменко И.Ю. М.Н.Муравьев и проблема индивидуального стиля // На путях к романтизму. Л., 1984. С.52-70.

Drage C.L. Muravev and the Moscov manuscript of «Institutiones rhetoricae» // Slavonic a. East. Europ.rew. L., 2000. Vol.78, № 2. P.201-239.

А.И.Разживин

Елабуга, Филиал Казанского (Приволжского)

федерального университета

Болгарская (Казанская) топка в беллетристике В.А.Левшина

В 1780-1783 годах В.А.Левшин издал в 10 выпусках «Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные и прочие оставшиеся через пересказывание в памяти приключения».

Увлечение русских писателей, этнографов, фольклористов отечественной стариной, ярко вспыхнувшее в последнюю четверть XVIII века, с годами не только не ослабевало, но углублялось, осмыслялось эстетически, приводило к открытиям, которые существенно обогащали литературный процесс и направляли поиски эстетической мысли по пути к народности и историзму. Каждая попытка воспроизведения старины была результативна, ибо открывала мир прошлого новыми гранями. Писатели не только постигали природу народнопоэтических образов, народную поэтику, в произведениях, ориентированных на былинку, сказку, миф, летописный факт, они стремились пока-

зать русского человека в его исторической ретроспекции, эволюцию его мировосприятия, в целом – ментальность русского народа.

Эти процессы происходили не только в русской культуре. Не менее, а может быть, и более, они выражены в Англии, Шотландии, Германии. Проблемы историзма и народности были теоретически осмыслены немецким философом Гердером и вызвали целую волну собирания и публикации памятников словесности различных народов. В России, как и в странах Западной Европы, появляются серийные издания – «собрания», «библиотеки». Кроме названного сборника Левшина к 90-ым годам XVIII века вышло три издания М.Д.Чулкова «Пересмешник, или Славенские сказки», два издания М.И.Попова «Старинные диковинки, или Удивительные приключения славенских князей...», в 1787 г. выходят собранные П.Тимофеевым «Сказки русские, содержащие в себе 10 различных сказок». Публикуется немало анонимных сборников с весьма различной степенью фольклоризма. В одних связь с фольклорной традицией ограничивается использованием традиционных сказочно-былинных сюжетов, в других сохраняется народнопоэтическая стилистика, в иных наблюдается контаминация русских народно-сказочных элементов с обрусевшими сюжетами западных рыцарских романов, с восточно-арабским фольклором.

В конце XVIII века, когда появились первые сказочные сборники, фольклористика еще не существовала как наука, не было методологии собирания, изучения и публикации народной поэзии, не существовало даже самого понятия фальсификации фольклора. В итоге культивировалось творчество «в народном духе», допускающее литературные обработки былин и сказок, вольное обращение с фольклорными текстами. Но ими зачитывались даже в начале XIX века, с них начиналось литературное образование людей, принадлежащих к средним и низшим слоям общества. Была и более серьезная функциональная роль этих полуфольклорных, полулитературных произведений. Они инициировали постановку проблем народности, историзма, национальной самобытности в русской литературе. Эти эстетические категории за-

родились в сознании русских литераторов в предромантическую пору и способствовали формированию романтического метода. Пожалуй, не было крупного поэта рубежа XVIII-XIX вв., который бы не продемонстрировал свой интерес к отечественной старине, к русскому фольклору в эпической поэзии, в прозе, в драматургии. Назовем некоторых из них: Н.А.Львов («Добрыня»), Н.М.Карамзин («Илья Муромец»), А.Н.Радищев («Бова»), К.Н.Батюшков («Предслава и Добрыня»), В.А.Жуковский («Владимир»), В.Т.Нарежный «Славенские вечера» и др.

Большинство поэтов черпали сюжеты и исторические реалии из «русских сказок» Левшина. Впрочем, в полной мере «русскими сказками» беллетристику Левшина можно назвать лишь со значительными оговорками. Левшин свободно импровизировал, соединяя былинку, сказку, исторический факт, устные предания, литературно обрабатывая их и вполне осознанно создавая библиотеку русских романов по образцу французских и немецких аналогов. Здесь мы можем говорить о предромантической литературной мистификации, когда авторские тексты выдаются за народные романы. «Россия, писал Левшин в предисловии к «Русским сказкам...», имеет также свои (народные романы – А.Р.), но оные хранятся только в памяти; я заключил подражать издателям, прежде меня начавшим подобные предания, и издаю сии сказки русские с намерением сохранить сего рода наши древности и поощрить людей...собрать все оных множество, чтобы составить Вивлиофику русских романов». Намерение сохранить отечественные древности Левшин объясняет тем, что они несут в себе «отчасти дела бывшие, и если совсем не верить оным, то надлежит сомневаться во всей нашей древней истории, коя по большей части основана на оставшихся в памяти сказках» [Левшин 1988: 272]. Левшин не стилизовал свои сказки под фольклор, он соединял, синтезировал фольклорную и литературную традиции, имея опыт перевода «Библиотеки немецких романов» и обнаружив в них типологическую общность с нашими «сказками богатырскими». Более того, сказочные повествования он дополнял и историческими исследованиями русских этнографов. Часть из

них он почерпнул из «Записок путешествий капитана Н.П.Рычкова» [Рычков 1770-1772], историка, географа, этнографа народов Поволжья, Урала, участника экспедиции проф. Палласа. В этой экспедиции Н.П.Рычков объездил и описал Уфимскую, Пермскую, Вятскую, Оренбургскую и Казанскую губернии, оставил значительное количество чертежей и известий о древних городищах и об устных преданиях, с ними связанных, а также о нравах, обычаях и занятиях обитателей исследованных губерний. Именно в сказках Левшина в реальном географическом пространстве действует киевский князь Владимир Красно Солнышко, болгарские князья, живущие в Волго-Камье, в пышном Боогорде (совр. назв. Булгар) – столице Волжской Болгарии. Именно отсюда была взята в плен и доставлена к Владимиру «чрезвычайной красоты» болгарыня Милолика, которой предпочел он всех своих жен и многочисленных наложниц. Пленение Милолики осложнило отношения Киева с Волжской Болгарией.

Эти события конца X века изложены Левшиным в «Повести о славном князе Владимире Киевском Солнышке Всеславьевиче и о сильном его могучем богатыре Добрыне Никитиче». Князь Закамского Царства Тревелий (брат Милолики), обуреваемый жадной мести киевскому царю, прибегает к помощи могучего богатыря Тугарина Змеевича. Обладая невероятной (причем волшебной) силой, опустошал он многие земли Закамские, принадлежащие Болгарскому князю. Если бы не мирное соглашение Треволия с Тугариным, условием которого было обещание отдать последнему в жены княжескую сестру, участь Закамья была бы плачевной.

Исторический фон романического сюжета сказочно-условен, однако топонимы придают художественному пространству повести некую географическую реальность, а легенды – так называемый местный колорит. Одна из них связана с мифологическим существом Зилантом, имеющим облик дракона или крылатого змея, и соотносится с основанием Казани. «Зилант, - читаем у Левшина, - на болгарском языке значит дракона, или, по-славенски, смока. Сей крылатый змей жил близ города Казани, в горе, коя прозвана по

имени его гора Зилантова, и ныне стоящий на оной монастырь именуется Зилантов. Поднесь еще показывают пещеру, где жило сие чудовище, коего изображение осталось в гербе Казанского царства, и память о нем вкоренена во всех тамошних жителей» [Левшин 1988: 280]. Действительно, Зилант стал геральдической фигурой. Изначально изображение Зиланта было отличительным знаком печати казанского хана, после завоевания Казани Иван Грозный перенес его на государственную печать, а в начале XVIII царским указом Зилант был помещен на герб Казанской губернии и описан как «черный коронованный дракон, крылья и хвост червленые, клюв и когти золотые». Легенды о драконах занесены в первые письменные памятники человеческой истории. Сказочный дракон обычно наделен крыльями, бессмертием и особым знанием сути жизни и смерти. Предполагается, что в драконе соединились два противоположных образа животного мира – верхний (птицы) и нижний (змеи).

Зилант – крылатое существо со змеиным хвостом нашло многогранное отражение в татарской мифологии. В некоторых из вариантов Зилант – положительный персонаж, добрый дракон-хранитель. В распространенном варианте – двуглавая змея, спасшаяся во время истребления змей на Зилантовом холме, месте основания новой Казани, и мстящая богатырю, осуществившему замысел хана Галим-бика. В других вариантах Зилант улетел на Зилантову гору и долго мстил жителям Казани, поселившись в пещере этой горы. Иногда он летал над новой Казанью и пил воду на Черном озере, причем жители, пораженные страхом, преклонялись перед драконом.

Таковы мифы. В сказочной интерпретации Левшина в облике Зиланта предстает чародей Сарагур. «Он опустошал все пламенным своим дыханием и пожирал стада и людей, по несчастью ему встречающихся. Земледельцы оставили свои работы, пастухи не смели выгонять стада свои... и трепет рассеялся всюду. Множество отважных людей, покушавшихся спасти отечество от сего чудовища, погибли жалостно, быв растерзаны сим лютым змием» [Левшин 1988: 280]. Истребить его сможет Болгарский князь Богорис с по-

мощью волшебницы Добрады и Сезострисова меча, но исчезающая в нем чародейная сила произведет яйцо, из которого выведется через десять лет исполин Тугарин. Имея врожденную ненависть к болгарам, начнет опустошать сие государство. Тревелий – сын Богориса принужден будет искать с ним мира, который последует после обещания ему в жены своей сестры Милолики. Таким образом Тугарин Змеевич окажется на стороне болгарского князя в его борьбе с Владимиром. Исход этой борьбы будет предопределен «книгой судеб»: истребление племени Сарагура-Зиланта-Тугарина выпадет «некоему Словенскому богатырю». Так в повести появляется былинная сюжетная линия – богатыря Добрыни Никитича.

Другая легенда, попавшая в прозу Левшина из «Записок путешествий капитана Рычкова», связана с другим городом Волжско-Камской Болгарии – Елабугой и историей так называемого Чертова городища. Левшин именует это место «боговещалищем Елабугским, находящемся не в дальности от столичного города на берегу реки Камы». В комментариях Левшина находим: «Сие боговещалище, или оракул, находилось близ городка Елабуги, при речке Тойме, впадающей тут же в Каму, которого поднесь еще видны каменные развалины, известные под именем Чертова городища. В оном жрецами был содержан обожаемый великий змий, которому людей давали на снадение вместо жертвы» [Левшин 1988: 286]. Именно Рычков впервые письменно зафиксировал легенду о логове змея-оракула. В ней говорилось, что раньше на месте Чертова городища стоял храм древних язычников. Согласно легенде, Чертово городище получило свое название от змея-оракула (или черта), который жил в языческом храме, стоявшем на высокой горе, на правом берегу Камы. Змей-оракул был известен на всю округу (а также далеко за ее пределами) своими предсказаниями. Ответы оракула славились точностью и потому к нему шли со всех сторон те, кто желал знать судьбу. В качестве платы за предсказания змею приносились человеческие жертвы из пленных врагов. Перед тем, как Булгарское царство было разрушено, этот змей неожиданно исчез. И напрасно царь того народа спрашивал о том, как спасти свой край и

свой народ от тех, кто шел с севера. Ответа не было. Вскоре царь и его народ стали жертвой могущественного неприятеля.

В.А.Левшин художественно интерпретирует легенду, включая ее в сюжет борьбы болгарского князя с исполином Тугариным. Воспроизводя время заката язычества и идолопоклонства, он следует традициям описания античных и древневосточных оракулов. Так, елабужский оракул обитает на месте храма древних язычников. Изречение его есть откровение божества, которое получает князь через посредников – жрецов, истолкователей полученного откровения. В жертву ему приносятся два черных быка, а сами предсказания получают в виде неких символов. На вопрос: чем можно избавиться от нападения исполина Тугарина «жрецы окружили истукан с кадилами, воспели песнь Чернобогу и с коленопреклонением просили о явлении через ответ средства к спасению их отечества. Истукан поколебался и немоватым голосом отвечивал: «Беды, терпение; поражение и победа; мечи, стрелы; утро вечера мудренее» [Левшин 1988: 286]. Назначение оракула, как правило, состояло не в том только, чтобы раскрыть будущее, но и в том, чтобы руководить жизнью народа в тех исключительных случаях, когда человеческая мудрость оказывалась несостоятельной. Тревелий, воодушевленный предсказанием оракула, пройдет через цепь испытаний и приключений, в том числе чудесных и чародейственных, найдет путь примирения с князем Владимиром, а Тугарин будет побежден богатырем при Владимире Добрыней.

«Русские сказки» В.А.Левшина были необычайно популярны у читателей не одно десятилетие. Демонстрируя богатую фольклорную традицию, героизируя национальную старину, романтизируя отечественную историю, Левшин создавал новое художественное целое – сплав старинных мотивов рыцарских романов, волшебных сказок, былин и исторических источников. Он рисовал Русь дохристианскую, наполняя повествование образами славянского пантеона, древнейшими легендами, мифами, но в этом художественном пространстве появлялись имена, исторические реалии, географические названия, свидетельствующие о тяготении автора к историзму. Именно по-

этому сюжеты Левшина привлекли внимание многих писателей начала XIX века. По мотивам левшинских сказок и с учетом творческого метода писателя-предромантика появятся оперы Г.Р.Державина «Добрыня», И.А. Крылова «Илья Богатырь», поэмы Н.А.Радищева (сына) «Алеша Попович», «Чурила Пленкович» и, конечно же, «Руслан и Людмила» А.С.Пушкина.

Литература

Левшин В.А. Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные и прочие оставшиеся через пересказывание в памяти приключения // Приключения славянских витязей: Из русской беллетристики XVIII века. М., 1988. 493 с. Текст цитируется по данному изданию.

Рычков Н.П. Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства 1769 и 1770 годов. Ч. 1-2. СПб., 1770-1772.

А.В. Попович

Херсон (Украина), Херсонский государственный университет

Мифологема Золотого века в поэзии М.Н.Муравьева:

варианты интерпретации

В русской преромантической поэзии конца XVIII – начала XIX века рецепция мифологемы Золотого века осуществляется преимущественно в двух жанровых формах: одической и идиллической. Первая актуализирует идущие от Вергилия, Данте и Ариосто идеологические коннотации мифологемы; во второй она реализуется в образе патриархальной «естественной» жизни в сельской усадьбе, принимающей черты «райского сада». Подобная «пасторальная» модификация мифологемы Золотого века, реализованная в так называемой «поэме о сельской усадьбе» (Е.Зыкова), наиболее ярко представлена в лирике М. Муравьева. Его поэтическое творчество рассматривается в работах Г.Гуковского, Л.Кулаковой, С.Сионовой, А.Пашкурова, В.Топорова, но, насколько нам известно, анализ мифопоэтики в избранном ракурсе не был предметом специального исследования. Цель настоящей статьи – проанализировать рецепцию мифологемы Золотого века в поэтическом